

beneficiary with reference to fact that in main contract some circumstances have arisen that allow it to refrain from payment.

List literature:

1. Боднар Т.В. Гарантія як вид забезпечення виконання зобов'язання за Цивільним кодексом України // Вісник господарського судочинства. – 2003. – № 2. – С. 143–150.

2. Кузнецова Н.В. Банковская гарантия в системе способов обеспечения исполнения обязательств // Вест. Удмурт. ун-та. – 1996. – № 1. – С. 46–50.

3. Павлодский Е.А. Банковская гарантия – новый инструмент обеспечения исполнения гражданско-правовых обязательств // Дело и право. – 1995. – № 11(47). – С. 24–28.

4. Про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг: Закон України від 12.07.2001 р. // Офіц. вісн. України. – 2001. – № 32. – Ст. 1457.

5. Пучковська І.Й. Неустойка, порука, гарантія, завдаток, застава та притримання як способи захисту прав кредитора в договірному зобов'язанні: навчальний посібник. – Харків: видавництво «ФІНН», 2012. – 144 с.

6. Пучковська І.Й. Особисті забезпечення. // Проблеми законності: респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2008. – Вип. 94. – С. 57–66.

7. Рубанов А.А. Международная унификация правил о банковской гарантии и Гражданский кодекс России // Хоз-во и право. – 2000. – № 5. – С. 56–67.

8. Сібільов М.М. Право зобов'язань: старі й нові положення // Закон і бізнес. – 1999. – № 49. – 14 с.

9. Слома В.М. Гарантія як вид забезпечення виконання цивільно-правових зобов'язань: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Л., 2007. – 18 с.

10. Уніфіковані правила Міжнародної торговельної палати для гарантій за першою вимогою 1992 року (публікація МТП № 458). [Електронний ресурс] // БД «Ліга : Закон Преміум». – Версія: 8.2.3.

11. Цивільне право України: підручник: у 2-х кн. / О.В. Дзера (керівник авт. кол.), Д.В. Боброва, А.С. Довгерт та ін.; за ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнецової. – Кн. 1. – К.: Юрінком Інтер, 2002. – 720 с.

СУИЦИД И ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ХАРАКТЕРИСТИКА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ СВЯЗЕЙ

Валерий ШКУРО,

соискатель

Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

This article analyzes criminological significant relations of criminal and suicidal behavior. Based on scientific provisions about mechanism of a single crime and suicide author distinguishes two typical situations of their criminogenic combination. The first involves coincidence of an offender and suitsidentor, the second – a mismatch. Within each of typical of situations author has conducted analysis of impact of suicidal behavior and personal qualities of suitsidentor on genesis of his criminal activity, and in relation to it. It is concluded that there is a presence of a wide network of multidirectional relations between a suicide and a single crime.

Key words: suicide, crime, relation, mechanism, motivation, victimization.

Аннотация

Статья посвящена анализу криминологически значимых связей преступно-го и суицидального поведения. На основании научных положений о механизме единичного преступления и самоубийства выделяются две типовые ситуации их криминогенного сочетания. Первая предусматривает совпадение личности преступника и суицидента, вторая – несовпадение. В пределах каждой из типовых ситуаций проведен анализ влияния суицидального поведения и личностных качеств суицидента на генезис как его криминальной активности, так и по отношению к нему. Сделан вывод о наличии широкой сети разнонаправленных связей между суицидом и единичным преступлением.

Ключевые слова: суицид, преступление, связь, механизм, мотивация, виктимность.

Постановка проблемы. Фоновые для преступности явления традиционно признаются в научной литературе неотъемлемым элементом предмета криминологии. Вместе с тем природа этих явления, их конкретный видовой состав, обоснование характера связей с преступностью и ряд других вопросов остаются не до конца разработанными. Это, в частности, касается и исследования суицидальности, как фонового явления. В современной криминологии до сих пор не выработано четких критериев идентификации криминологически значимых связей суицидальности. Прежде всего, речь идет о визуализации связей между механизмами суицидального и преступного поведения. Пересекаются ли они в отдельных составляющих? И если да, то в каких именно? От ответа на эти вопросы зависит формирование исходного гносеологического основания для дальнейшего научного поиска на уровне массовых асоциальных практик – преступности и суицидальности.

Актуальность исследования. Криминологические проблемы суи-

цидальности поднимались в работах Ю.М. Антояна, Я.И. Гилинского, В.В. Голины, А.Н. Джужи, В.Н. Дремина, А.П. Закалюка, И.И. Карпеца, В.Н. Кудрявцева, Д.А. Назаренко и других исследователей. Признавая существенный вклад этих ученых в решение заявленной проблематики, следует все же указать на недостаточность отдельного внимания к проблеме суицидальности, как фонового для преступности явления, чем и обусловлена актуальность темы этой статьи.

Цель статьи заключается в выявлении, описании, анализе криминологически значимых связей между суицидом и индивидуальным преступным поведением.

Изложение основного материала. Моделирование проекции составляющих механизма суицидального поведения на элементы механизма отдельного преступления позволяет выделить две ситуации их криминологически значимого сочетания:

1) личность преступника и суицидента совпадают; суицидальные наклонности или непосредственно акт

самоубийства влияют на его криминальную активность и/или посткриминальное поведение;

2) личность преступника и суицидента не совпадают; суицидальное поведение выступает, как составляющая криминогенной ситуации, а сам самоубийца демонстрирует повышенную виктимность.

В первой ситуации можно выделить следующие криминологически значимые аспекты сочетания (взаимодополнения) суицидальных и антиобщественных качеств личности в проекции механизма индивидуального преступного поведения.

1. «Идеальная совокупность» суицида и преступления. Речь идет о ситуации, когда суицидентом применяется такой способ самоубийства, который заведомо для него представляет опасность для жизни и здоровья, собственности других лиц, а также окружающей среды, общественной безопасности и пр. Происходит своеобразный синтез суицидальной и криминальной активности индивида. При этом преступление может быть либо результатом суицида с незначительным промежутком времени между ними, либо же целиком совпадать по времени с ним. Таким образом, действия суицидента одновременно и причинно влекут за собой последствия и в виде его смерти, и в виде смерти других лиц, или причинение им телесных повреждений, имущественного ущерба и т. п.

Так, например, 24.03.2015 года самолет Airbus A320 немецкой компании Germanwings разбился во французских Альпах, в результате чего погибли 150 человек. Полученные с «черного ящика» данные говорят о том, что пилот, который находился в кабине, инициировал снижение и изменил настройки автопилота, чтобы увеличить скорость самолета при снижении [1]. Кроме того, в ходе расследования было выявлено, что указанный пилот незадолго до последнего полета осуществлял в сети Интернет поиск информации о способах самоубийства, а также не менее пяти раз обращался за помощью к разным специалистам в области неврологии и психиатрии [2].

Основной, пока не опровергнутой, версией следствия, которое сейчас продолжается, остается самоубийство второго пилота путем совершения им дей-

ствий по падению самолета с большой высоты.

В рассматриваемом контексте следует также обратить внимание на террористические акты, совершаемые так называемыми «террористами-смертниками». Практика жертвования собственной жизнью для достижения целей теракта приобрела в мире достаточно широкое распространение с начала 80-х. Даже поверхностный ее анализ дает основания утверждать, что проблема использования лиц с суицидальным поведением для совершения террористических актов пока требует отдельного тщательного исследования на монографическом уровне.

Впрочем, несмотря на актуальность для мировой криминологической теории и практики затронутой проблематики, использование террористов-смертников для совершения терактов в нашей стране ни разу не было зафиксировано. Для аттитудов же украинского общества присущим является использование для самоубийств объектов городской инфраструктуры (в частности, бытового газа). Таким образом, криминологически значимый аспект суицидальности проявляется в его разрушительных последствиях, которые выходят за пределы телесности суицидента и распространяются на окружающих лиц, имущество, окружающую среду и т. п.

2. Суицидальная активность как личностный фактор индивидуального преступного поведения. Эта разновидность связей суицида и преступления выражается не в самом акте завершенного суицида, а в роли самого суицидального поведения в генезисе отдельного преступления. Самоубийство становится закономерным результатом деформаций личности, патопсихологических, патопсихических ее состояний. При этом речь идет не только и не столько о лицах с антиобщественной направленностью, сколько о ситуативном совершении преступлений лицами с суицидальными наклонностями. Для таких лиц даже незначительные внешние раздражители способны стать мощным катализатором для совершения преступления.

Таким образом, личностные черты суицидента приобретают непосредственное криминогенное значения. Здесь стоит вспомнить наиболее ис-

пользуемую в науке классификацию суицидов, предложенную Э. Дюркгеймом, а именно: аномийные, эгоистичные и альтруистические суициды [3, с. 52]. В основе первых, как известно, находится фрустрация и социальная дезорганизация; вторых – стремление уйти от жизненных проблем, отношение к себе – выше общественных ценностей; третьих – самопожертвование ради других лиц или определенных социально значимых идеалов. Исходя из этого можно выделить три соответствующих обобщенных типа суицидентов: а) условно маргинализованные лица, переживающие социально-психологическое отчуждение из-за потери жизненных ценностных ориентиров, их крах; б) нигилисты-эгоцентрики, для которых социальная нормативность не интегрирована должным образом в личностные подструктуры диспозиций, установок; в) идеалисты-романтики, доминантой в поведении которых является подчинение социальным целям, идеям (светским, религиозным, субкультурным т. д.). Каждый из этих типов суицидентов способен в той или иной степени криминализироваться под влиянием неблагоприятной жизненной ситуации.

Касательно последней – справедливым представляется мнение В.Н. Кудрявцева, который в контексте анализа особенностей суицидального поведения отмечает, что она характеризуется, по меньшей мере, тремя отличительными чертами. Первая заключается в том, что неблагоприятные жизненные ситуации для суицидентов обычно отличаются длительностью, а иногда переходят в образ жизни (постоянные ссоры в семье, неудовлетворенность семейной жизнью и ближайшим бытовым окружением и т. д.). Вторая черта выражается в ощущении личностью реальной или ложной безысходности. Третья – формирование иллюзорных путей разрешения конфликтов [4, с. 179].

Полагаем, есть смысл согласиться с указанными особенностями. Однако добавим, что они в большей степени присущи ситуациям анемического и эгоистического суицидов. Так или иначе, но даже поверхностный анализ позволяет убедиться в том, что указанные черты вполне могут приобретать криминогенный характер. Продолжитель-

ность микросоциального конфликта, неудовлетворенность базовых потребностей (в частности, в самоактуализации, принадлежности и т. д.), фрустрация, комплекс иллюзий, который (согласно академику А.Н. Костенко) порождает произвол – все это элементы: а) деформации сдерживающих механизмов в структуре личности на пути к демонстрации ею девиантных форм поведения, в том числе и преступлений; б) механизмов инициирования агрессивных действий, в частности по типу замещения объекта деструкции. Особенно рискованным в этом аспекте является поведение лиц, дополнительно отягощенных психическими, эмоциональными, психосоматическими расстройствами.

Итак, суицидальная активность в ряде случаев способна выступать личностным фактором индивидуального преступного поведения. Суицидальные мысли, планы, особые психические состояния, порожденные нарушением экзистенциального равновесия, могут влиять как на формирование соответствующей мотивации, так и на принятие решения о совершении преступления, его реализацию.

3. Суицид как посткриминальное поведение. Структурно этот криминологически значимый аспект суицидального поведения является логическим дополнением и продолжением выше описанного, но характеризуется некоторыми особенностями.

Посткриминальное поведение в научной литературе рассматривается, как правило, в качестве завершающего этапа механизма единичного преступления. Одни ученые вкладывают в его содержание «непреступное поведение субъекта после совершения им какого-либо преступления» [5, с. 8]. Другие, конкретизируя такие действия, – относят к посткриминальному поведению анализ преступником совершенного, уничтожение следов преступления, распоряжение имуществом, полученным преступным путем (в том числе и легализация (отмывание) доходов, полученных аналогичным путем), противодействие расследованию [6, с. 64], а также активизацию системы психологической защиты, выработка защитных мотивов [7, с. 52]. В контексте определения роли суицидального поведения на этой стадии значение имеет, прежде

всего, именно психологическая составляющая формирования защитных мотивов.

Указанные мотивы, по сути, имеют те же источники, что и побудительные, коренятся они в одних и тех же личностных характеристиках [8, с. 65]. Поэтому случаи совершения самоубийства на посткриминальной стадии являются симптоматическими в том смысле, что само преступление в ряде случаев может быть: а) частью суицидального поведения; б) фактором «давления» на личность – опосредованно, постфактум: страх перед наказанием или результат рефлексии, действия совести, морального осуждения. В первом случае механизм самоубийства является понятием более широким во временном, деятельностном и сугубо субъективном (психологическом) измерении, чем механизм преступления, и поглощает его. Во втором – преступный акт становится толчком к активизации суицидального поведения.

Вторая типичная ситуация криминологически значимого сочетание элементов механизмов преступного и суицидального поведения, в частности, когда личность преступника и суицидента не совпадают, может быть описана через такие два момента.

1. Суицидальное поведение как элемент криминогенной ситуации в механизме индивидуального преступного поведения. В этом контексте следует, прежде всего, выделить виктимное поведение суицидента вследствие присущих ему качеств в состоянии обострения фрустрации, депривации. Эти качества могут быть разделены на три условные группы:

а) внешняя виктимность суицидента, связанная с ослаблением или полной элиминацией контроля за принадлежащим ему имуществом из-за особых психоэмоциональных суицидальных состояний. Например, оставление входной двери в квартиру незапертой, чем пользуются посторонние лица для проникновения и совершения кражи (грабежа, разбоя) как до, так и после самоубийства;

б) внутренняя виктимность суицидента. Как отмечает Д.А. Шестаков, внутренняя виктимность заключается в комплексе взглядов, стереотипов, психологических установок, затрудняющих общение с окружающими, что

при неблагоприятных обстоятельствах может провоцировать опасную реакцию окружения. Среди прочих параметров этой разновидности виктимности можно отметить мазохистский синдром, проявляющийся в наслаждении оскорблением, в поиске новых поводов для него, в демонстрации своего ничтожного, жертвенного положения. Подобная внутренняя позиция усиливает психологическое напряжение в процессе общения, может привести к срыву, в том числе и преступному [8, с. 223]. Этот тип виктимности вполне укладывается в логику развертывания индивидуального преступного поведения, при которой суицидент и его личностные характеристики, поведение рассматриваются как составляющие криминогенной ситуации. В таком ракурсе суицидальное поведение может рассматриваться как фактор внешней среды, способствующий формированию личной неприязни со стороны потенциального преступника по отношению к суициденту, а отсюда – и к формированию соответствующего мотива и системы уголовно наказуемых действий.

Следует отметить, что указанные качества суицидента, его соответствующая деятельность могут приобретать детерминирующие значения и на более поздних этапах развертывания индивидуального преступного поведения, выступать элементом внешней среды, выполнять скорее инструментальную, чем мотивационно образующую функцию при выборе конкретной жертвы, способа, места совершения преступления и т. п.

Кроме виктимного аспекта, в механизме индивидуального преступного поведения суицид может играть роль существенного фактора детерминации преступной активности, направленной на «третьих лиц». Речь, в частности, идет о мести со стороны близких суициденту лиц по отношению к тем, кого они считают виновными в самоубийстве.

2. Суицид как результат преступления. Самоубийство может быть как основным желанным для виновного, так и сопутствующим результатом, «побочным эффектом» преступления. В этом контексте суицид можно рассматривать или как общественно опасное последствие преступления, или как отдаленный результат преступного по-

ведения, не охватывающийся объективной стороной состава преступления.

Суицид, как общественно опасное последствие в конструкции состава преступления, присутствует при доведении до самоубийства (ст. 120 УК Украины), изнасиловании (ч. 4 ст. 152 УК Украины по признаку причинения особо тяжких последствий), ненадлежащем исполнении обязанностей по охране жизни и здоровья детей (ч. 2 ст. 137 УК Украины), ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей медицинским или фармацевтическим работником (ч. 2 ст. 140 УК Украины по признаку причинения тяжких последствий несовершеннолетнему) и некоторых других преступлений. За исключением ст. 120 УК Украины, где самоубийство или покушение на самоубийство является обязательным признаком состава преступления, в остальных случаях суицид является факультативным признаком.

Если виновный действует с умыслом относительно самоубийства потерпевшего, то последнее выступает ведущим фактором криминальной активности на всех ее стадиях: при формировании мотивации, целеполагании, планировании и реализации (совершении) преступления. Посткриминальное поведение при этом характеризуется прямым или косвенным использованием результатов самоубийства в правовом и исключительно социальном аспекте: получение наследства, безраздельное пользование жилой площадью, устранение необходимости ухода, выполнение других обязанностей, которые связывались с жизнью жертвы.

В тех же преступлениях, в которых самоубийство выступает факультативным признаком их состава (закрепленной как тяжкие или особо тяжкие последствия) или вообще им не охватывается (то есть, является удаленным его социальным результатом), уместно говорить о преемственности (сменяемости) во времени преступного и суицидального поведения. В этой связи преступление является стимулом к развертыванию суицидальной реакции (прежде всего, на психологическом уровне с последующей реализацией и физически). Поэтому распространенность последних в типовых ситуациях может свидетельствовать о распространенности преступлений (в частности,

латентных) в конкретных сферах общественных отношений. Их анализ на систематической основе способен выполнять сигнальную функцию в соответствующих системах (подсистемах) криминологического мониторинга.

Выводы. Моделирование проекции составляющих механизма суицидального поведения на элементы механизма индивидуального преступного поведения дало возможность выделить две ситуации их криминологически значимого сочетания: 1) личность преступника и суицидента совпадают; 2) личность преступника и суицидента не совпадают.

В первой модельной ситуации выделены, описаны и проанализированы такие аспекты сочетания элементов двух указанных механизмов: а) «идеальная совокупность» суицида и преступления; б) суицидальная активность, как личностный фактор индивидуального преступного поведения; в) суицид, как посткриминальное поведение.

Во второй модельной ситуации выделены следующие криминологически значимые аспекты: а) суицидальное поведение, как элемент криминогенной ситуации в механизме индивидуального преступного поведения; б) суицид, как результат преступления: как общественно опасное его последствие или как отдаленный результат преступного поведения, не охватывающийся объективной стороной состава преступления.

Список использованной литературы:

1. Второй пилот A320 умышленно увеличил скорость аэробуса во время снижения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unian.ua/world/1063290-drugiy-pilot-a320-umisno-zbilshiv-shvidkist-aerobusu-pidchas-znijennya-dani-chornoji-skrinki.html>.
2. Пилот Airbus A320 лечился не менее чем у пяти врачей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.unian.ua/world/1063478-pilot-airbus-a320-likuvavsya-ne-mensh-nij-u-pyati-likariv.html>.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / Э. Дюркгейм /

Пер. с фр. с сокр.; под ред. В.А. Базарова. – М. : Мысль, 1994. – 399 с.

4. Социальные отклонения / С.В. Бородин, В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсеянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1989. – 368 с.

5. Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение / Р.А. Сабитов; под ред. Р.Р. Галиакбаров – Томск : изд-во Том. ун-та, 1985. – 192 с.

6. Криминология : учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2002. – 848 с.

7. Ратинов А.Р. Психологическая защита и самооправдание в генезисе преступного поведения / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова // Личность преступника как объект психологического исследования. Сборник научных трудов. – М. : Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – С. 44–62.8. / Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности : Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противостояние преступности в изменяющемся мире: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Д.А. Шестаков / предисл. В.П. Сальникова. – СПб. : изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 561 с.